

© Ю. Ю. Карпов

БОТЛИХ: СУДЬБА ГОРСКО-ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЩИНЫ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Еще со второй половины XIX в. сел. Ботлих стали называть дагестанским Парижем. И ныне как сами ботлихцы, так и их соседи – жители селений Ботлихского и граничащих с ним Ахвахского и Цумадинского районов – довольно часто используют такое лестное определение. На сторонних людей, имевших возможность сравнивать разные местности Кавказа, а также далекие от него города и веси, большое впечатление произвело место, где расположен Ботлих, его сады, выделявшие данное селение на фоне окрестных, большей частью скалистых гор этой части Западного Дагестана. Впечатление дополнил особый ритм и стиль жизни обитателей Ботлиха, ставшего административным центром этой части края. Все это контрастировало с обликом других горных селений. И родился эпитет. В настоящее время жители нескольких горных уголков Дагестана с гордостью называют свои малые родины "дагестанской Швейцарией", у маленького "Парижа" в Стране гор конкурентов нет.

Красивый эпитет, благодатное место. Так и хочется сказать о завидной судьбе его обитателей. Однако судьба у Ботлиха и его жителей в последние годы сложная. О ней и пойдет речь в настоящей статье. Предваряя же материалы, ее характеризующие, дам краткую справку о Ботлихе старом, условно традиционном – во временных рамках второй половины XIX – начала XX в.¹

* * *

Располагаясь в межгорной котловине (на высоте 800 м над уровнем моря), где климат относительно мягкий, Ботлих издавна славился фруктами. Ботлихцы небезуспешно занимались земледелием, а также разводили скот, однако садоводство было на первом месте. "Ботлих... – писал автор, посетивший его в 1910-е годы, – расположен на склоне горы. Ниже аула в ущелье по террасам много садов и огородов, которые орошаются искусственно посредством сети канав, проводящих воду из реки и из горных потоков и ключей. Даже самые поля, засеянные пшеницей, за неимением иных удобных для земледелия мест, расположены только в садах и огородах" (*Сергютковский* 1916: 275). Урожай груш, яблок, абрикосов, персиков, винограда были очень неплохие. Побывавший здесь в 1930-е годы акад. Н.И. Вавилов авторитетно отметил, что вряд ли можно лучше, нежели это делают местные жители, использовать землю (*Вавилов* 1936: 80). Труд многих поколений был вложен в горные террасы, в систему ирригации садов, полей и огородов, в селекцию фруктовых деревьев и винограда. И в XIX, и в XX веках ботлихцы бережно относились к этому наследию. В свою очередь община (*джамаат*), являясь верховным собственником всех угодий на принадлежавшей ей территории, регулировала и строго контролировала хозяйственную деятельность всех домохозяев. В записи адата (обычного права), сделанной в конце XIX в., в частности, говорилось: "Кто прежде времени станет есть хотя и свой виноград, с того 2 рубля в пользу общества" (Из истории права 1968: 22).

Вопросы хозяйствования и общественной жизни в целом решались на сходах, в которых после введения в 1868 г. в действие Положения о сельских обществах принимали участие трудоспособные мужчины (до этого в сходах участвовало все взрослое мужское население общины). Как и в других местах горного Дагестана, деятельное участие мужчины (домохозяина) в жизни общины было обязательным условием его

Юрий Юрьевич Карпов – доктор исторических наук, заведующий отделом Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

членства в ней и, соответственно, по возможности благополучного бытия его семьи. Горско-дагестанскую общину некоторые исследователи определяют как гражданскую общину, в которой уровень ответственности каждого перед коллективом и общества перед всеми своими членами был чрезвычайно высоким (Агларов 1988).

Еще ботлихцы занимались ремеслом, изготавливая папахи, обувь, бурки, медную утварь. Эти изделия продавались на местном базаре, который был крупнейшим в Западном Дагестане и куда еженедельно собирались производители различной продукции из разных уголков Страны гор, а также из расположенной поблизости Чечни. Однако реализовать основную производимую продукцию – фрукты и овощи – ботлихцы могли, вывозя ее в соседние и достаточно отдаленные местности либо пользуясь услугами посредников.

К XIX в. экономические и товарно-денежные отношения в Ботлихе, по сравнению с большинством соседних горских обществ, были относительно развитыми. Когда в начале указанного века Российское государство, укреплявшее свои позиции в регионе, ввело санкции против "немирных" горцев, закрыв для них проходы в Грузию для совершения торговых операций, ботлихцы обратились к командованию российских войск с просьбой разрешить им туда свободный проход. Разрешение было получено при условии недопущения даже "малейших шалостей" (Русско-дагестанские отношения 1988: 303). Здесь же можно привести замечание Е.М. Шиллинга, которое он сформулировал на основании анализа письменных источников и собственных экспедиционных материалов: "Следует подчеркнуть, что в военных делах ботлихцы ограничивались обороной и считались мирным народом, что, однако, не мешало им принимать участие в набегах дагестанских горцев на Грузию с целью захвата добычи и пленников" (Шиллинг 1993: 79).

В целом жизнь "традиционного" ботлихского общества характеризовали черты, свойственные большинству горско-дагестанских общин. Подавляющую часть населения составляли свободные общинники (ед.ч. – *уздэн*), потомки пленников (ед.ч. – *хъазахъ*, *лагъ*) вели собственные хозяйства и обладали почти теми же правами, что и уздени, однако последние избегали вступать с ними в родственные связи. Население Ботлиха делилось по семейно-родственному принципу на группы (ед.ч. – *глай*, авар. *къибил*, общедаг. *тухум*) в количестве 7–8 человек, но значение таких групп в жизни общества было откровенно подчиненным по отношению к позиции джамаата. Зафиксированные Е.М. Шиллингом в 1940-е годы предания о происхождении основных г'ай'ев отличала противоречивость; согласно одним из них, все они являлись автохтонными, согласно другим – основоположниками части из них были иноэтничные пришельцы (Там же: 80–82).

Затронув тему "этничности", следует сказать, что ботлихцы – это не только жители сел. Ботлих (хотя в настоящей статье речь идет о них), но и малый народ Западного Дагестана. Причем подлинно малый, ибо издавна называли себя ботлихцами (самоназвание *буйхади* – мн. ч., *буйхали* – ед.ч.), кроме жителей рассматриваемого селения, еще обитатели расположенного в 4 км от него сел. Миарсо, а также хуторов Ашино (Ашиму) и Анхо. Впрочем, Ботлих был и остается не одной лишь "столицей" своего микроэтноса; со средневекового периода он являлся центром союза общин ("вольного" общества) Технуцал, объединявшего расположенные по соседству селения аварцев, годоберинцев и андийцев (два последние – тоже малые народы). Выгодное географическое, торгово-экономическое и военно-политическое положение Ботлиха предопределило такую его судьбу.

По этим же причинам Ботлих вскоре после завершения Кавказской войны стал центром образованного российским правительством Андийского округа Дагестанской области. Жизнь в нем начала преобразовываться на необычный для местных аулов манер. "В Ботлихе кроме начальника округа, живут начальник участка и врач, и стоит немного войска (пластуны и солдаты-артиллеристы), а также имеется почтово-телеграфное

отделение" (*Сержпутровский* 1916: 275). Появилась и школа с пансионом для 12 детей горцев (*Ган* 1902: 225). Аул разрастался, но походить на город (в своеобразной горско-дагестанской редакции) начал в советское время, когда, став центром невеликого по размерам района, оказался средоточием деловой жизни всего Западного Дагестана. В 1940-е годы Е.М. Шиллинг писал: "Центральная улица этого аула оживлена. Имеется хорошая столовая, солидно оборудованный кинотеатр, электрическое освещение, водопровод. Работают многочисленные районные учреждения. Проезжают грузовые автомобили". В те годы в Ботлихе функционировали леспромхоз и райпромкомбинат с цехами: столярно-мебельным, кожевным, обувным, бурочным, пошивочным, кирпично-черепичным, лесопильным и пищевым, изготовливавшим джемы и компоты. Естественно, имелся и колхоз (был создан в 1936 г. и носил имя К.Е. Ворошилова). Значительную роль для жителей окрестных местностей сохранял еженедельный базар (*Шиллинг* 1993: 85–88).

Одно время, а именно в 1860-е годы, рядом с Ботлихом располагалась крупная военная база – Преображенское укрепление, которое, по мысли главнокомандующего князя А.И. Барятинского и генерала Н.И. Евдокимова, должно было показать, что "русские становятся твердой ногою в центре страны, никогда не признававшей ничьей власти": "Жители ближайшего аула Ботлих, – писал в конце XIX в. отставной российский генерал Максуд Алиханов-Аварский, – чуть не распинались при этом, стараясь уверить русских, что Ачабота (местность, где было заложено укрепление. – Ю.К.) – самый нездоровый пункт во всем Дагестане, что жесточайшие лихорадки свирепствуют здесь в такой степени, что горцы не останавливаются в этой местности даже для отдыха. Но все это повело лишь к тому, что ботлихцев заподозрили в желании избавиться от соседства русского укрепления...". "Дорогое детище инженеров" было возведено, однако в нем каждое лето от лихорадки и других болезней умирало до 75% гарнизона. В таком положении укрепление функционировало 8–9 лет, после чего его упразднили, а все постройки продали за бесценок (*Алиханов* 2005: 114–115). Позднее небольшой гарнизон размещался в самом сел. Ботлих.

Набор затронутых в этой части статьи сюжетов, характеристик отдельных деталей общественного быта местных жителей и событий "прошлой" жизни самого Ботлиха могут показаться случайными. Однако они так или иначе перекликаются с таковыми из жизни "дагестанского Парижа" новейшего времени, о которой и пойдет речь далее. Материалы собирались автором во время экспедиционных поездок в 2003–2006 гг.²

* * *

Во второй половине XX в. в Дагестане произошли существенные социальные и экономические изменения. Огромное количество жителей горных районов (начиная с 1920-х годов от 200 до 300 тыс. человек) было вовлечено в переселенческое движение на равнинные территории республики. Горные хозяйства (колхозы, с 1960-х годов частично преобразованные в совхозы) располагали зимними пастбищами на равнине, так называемыми *кутанами*, на которые наряду с городами и поселками равнинной зоны республики горцы продолжали переселяться, когда официальная переселенческая кампания уже завершилась. Многие горные районы обезлюдели, террасные поля оказались заброшенными (ибо ныне муку стало проще покупать на "плоскости"), не жели самим выращивать зерно). Тем не менее проблема занятости населения горных районов оставалась (и остается) очень острой. В хозяйствах, специализировавшихся на животноводстве и в большинстве своем далеко не преуспевавших в этом, обеспечить людей работой представлялось сложным, а их доходы были мизерными.

Ботлих подобные процессы и явления почти не затронули. Ботлихцы успешно занимались садоводством, которое приносило им неплохие доходы. Ранее функционировавший пищевой цех райпромкомбината был переоборудован и преобразован в кон-

сервный завод. В 1950-е годы местному колхозу предлагали обзавестись кутанами, но правление, выражая настроение местных жителей, отказалось от них, потому что скотоводческое направление в хозяйствах, как и прежде, не играло большой роли. К тому же предложенные на равнине земли были не из лучших (а жить на кутанах в то время везде было нелегко). Сельское общество Ботлиха стремилось сохранить свой во многом "традиционный" порядок жизни. И если о горном Дагестане советского времени в целом допустимо говорить, что его население стремилось, по возможности, адаптировать советско-колхозные порядки к привычным для него общинным установлениям общежития³, то и Ботлих можно считать примером этого. Одновременно своим общим благополучием он контрастировал с ситуацией, которая наблюдалась в большинстве горных селений Дагестана того времени.

В 1970-е годы была принята правительственная программа социально-экономического развития горных районов республики. В свете ее реализации в 1975–1978 гг. в Ботлихе был построен завод "Прогресс" – филиал астраханского машиностроительного завода. Уж очень подходящим выглядело место для строительства подобного объекта – широкая котловина, издавна оживленный деловой центр Западного Дагестана. Являвшийся в те годы министром радиопромышленности СССР и одновременно депутатом Верховного Совета СССР от одного из избирательных округов Дагестанской АССР П.С. Пешаков способствовал реализации проекта. Отвод земли под территорию завода республиканская и районная власти произвели без согласования с общественностью (общиной, джамаатом) Ботлиха. Для того времени – более чем естественная ситуация. Завод и выросший с ним по соседству так называемый "Микрорайон" с многоквартирными домами расположились на сельских пустошах. Ботлихцы старшего поколения в целом негативно отнеслись к новшествам, а молодежь с энтузиазмом смотрела в будущее – мечтали, что через 20 лет Ботлих станет городом с троллейбусами на широких улицах. Однако работать на завод молодежь не шла, продолжая заниматься в колхозных и личных садах. За сезон на продаже фруктов ботлихцы зарабатывали по 2–3 тыс. руб.

На заводе "Прогресс" имелось около 1,5 тыс. рабочих мест. Для работы в его цехах приглашались девушки и молодые женщины, они паяли платы электронного оборудования для военной промышленности. Молодых работниц в целях обучения отправляли в Астрахань на головное предприятие. Овладев профессией, они работали в три смены, зарабатывая по 500–600 руб. в месяц, а жили в общежитиях или на квартирах. Для молодых мужчин, отслуживших в армии и почувствовавших вкус другой, "неаульской" жизни, тоже находилась работа – по наладке оборудования, на строительстве жилых домов ведомственного подчинения. Работники завода, выходцы из расположенных неподалеку селений – Годобери, Тлох, Ансалта, Нижнее Инхело и других – создавали семьи; одни молодые пары ожидали очереди на получение квартир в заводских домах, другие копили деньги на обзаведение собственными домами, и некоторым это удавалось (причем особым порядком, о чем будет сказано ниже). Все было почти как в рядовом советском городке. В Ботлихе имелся стандартный набор объектов социальности – кинотеатр, ресторан и др. Имелся также женский общежития, поскольку появились свои "разведенки" (по-местному, "вдовы"). В Ботлихе стали приезжать "отдохнуть", повеселиться жители окрестных селений, так что эпитет "маленький Париж" обрел дополнительный смысл.

Жизнь завода "Прогресс" и "Микрорайона", расположенных в нескольких сотнях метров от селения, равно как и жизнь рабочих, текла почти независимо от жизни старинного Ботлиха и коренных ботлихцев. Последние не прельщались веяниями нового быта, среди них находилось очень мало желающих работать на заводе (всего около сотни человек) или быть советскими служащими в районных организациях, ведь такие получали всего рублей по 120 в месяц. Коренные ботлихцы ориентировались в жизни на собственные устоявшиеся представления, которые оказывались не всегда

лучшим образом приспособленными к новым условиям. Именно "коренные" – принадлежавшие к семейно-родственным группам (гай'ям) узденей (свободному сословию). В этом они так или иначе противопоставляли себя не только заводчанам, которых они называют *апарагами*, т.е. переселенцами (такое обозначение переселенцев из других мест утвердилось в Дагестане еще в старину), но и немногочисленным, однако оказывавшимся приметными фигурами в новом местном быту представителям хъзах'ов, т.е. потомков пленников.

Из интервью с М.Н. – ботлихцем средних лет с высшим образованием, представителем узденского "рода":

"Уздени – не трудолюбивые, хъзах'и же – хорошие ребята, умеют и любят работать, и они сейчас выходят или вышли на первые роли (как "черная Америка", которая добилась столь многого). Они работают днем и ночью. У них это осталось от родителей, которые росли под давлением – это нельзя, это нельзя, это нельзя, а теперь [когда] можно, то... Во многом плохая [их] черта в том, что они узденям жизнь испортили. Они не врут, не опаздывают [на работу]. Наши же расслабились; я поработал – мне хватило, я ушел, а эти будут работать продолжать. Наши могут тоже так работать, но не работают почему-то".

И тут же информант рассказывает о семье талантливых и трудолюбивых врачей из хъзах'ов, но также и о тех хъзах'ах, которые умышленно переименовывают и удревняют свои корни на землях Ботлиха.

Уже на этом основании можно заключить, что жить по собственным установлениям "коренным" ботлихцам не очень просто. Впрочем, сложности внутри своей общественной структуры не идут ни в какое сравнение со сложностями, возникшими в отношениях местной общины и соседней.

Сложившаяся в прежние десятилетия негативное отношение ботлихцев к службе в административных органах привело к тому, что возглавляли и возглавляют администрацию Ботлихского р-на выходцы из других населенных пунктов этого же района, которые, по мнению ботлихцев, отдают предпочтение в решении социально-экономических вопросов тем, кто связан с их малыми родинками. А "малые родины" здесь имеют специфические национальные оттенки.

Западный Дагестан чрезвычайно пестр в этническом отношении. Там проживают 13 малых народов (численностью от нескольких тысяч до нескольких сотен человек), принадлежащих к андо-дидойской (андо-цезской) группе аваро-андо-дидойских народов (в Ботлихском р-не это ботлихцы, андийцы, годоберинцы, каратинцы), и, кроме того, аварцы. При всей их близости этих 13 народов по языку и основным формам бытовой культуры к аварцам, они сохраняли и сохраняют самоназвание, самосознание, а также собственные языки и некоторые своеобразные черты культуры. Тем не менее в 1930-е годы андо-дидойцев официально причислили к аварцам (и окончательно закрепили это в 1950-е годы; общая же их численность на тот момент составляла не менее 50 тыс. человек), в результате чего аварцы стали наиболее многочисленным и "лидирующим" народом многонациональной республики. Общественность некоторых малых народов и раньше ставила вопрос о восстановлении их в статусе самостоятельных, а в период "перестройки" и позднее данный вопрос приобрел в Республике Дагестан особое звучание и остроту.

Активисты общественных национальных движений возлагали большие надежды на перепись населения РФ 2002 г. Однако умонастроения в среде разных народов (этнических групп) не были одинаковыми, о чем красноречиво свидетельствуют материалы переписи. Так, если андийцами, чья численность, по оценкам, должна составлять ныне около 40 тыс. человек, заявили себя в ходе переписи примерно 22 тыс., то ботлихцами (по оценкам, около 5 тыс.) только 16 человек (для сравнения: годоберинцами – 39, при оценке специалистов – 3,5–4 тыс. человек) (Итоги переписи 2004: 7–18; Народы Дагестана 2002). В Ботлихе уверяют, что "настоящей переписи" там не проводилось – сель-

ская администрация якобы подала общие данные о численности населения, которые были введены в выбранные официальной властью позиции национального состава населения республики.

При этом очевидно, что на протяжении последних десятилетий среди представителей малых народов горного Дагестана, в том числе и у ботлихцев, происходили и происходят трансформации идентичностей, причем далеко не однозначные.

Приведу один из комментариев подобным явлениям, предложенный М.Н.:

«В детстве я думал: какой я счастливый, я родился в СССР – это самая сильная страна в мире, затем я живу в РСФСР – это самая большая республика, затем – в Дагестане – там самые сильные борцы. Я гордился этим. Затем я гордился тем, что живу в Ботлихском районе, что сам я ботлихец; нет, сначала аварец – они (аварцы) самый крупный народ в Дагестане, затем (являюсь) ботлихцем среди аварцев. Не знаю, чем конкретно определялась гордость за то, что я ботлихец. Когда мы в школе учились, для нас не быть ботлихцем считалось позором, это второй сорт, апарат. С детства мое чувство родины было острое. Мои дети тоже гордятся, что они ботлихцы. А теперь оказывается, что самая плохая страна – это Россия. Я был в Эмиратах в 94-м году, мне советовали не говорить, что я россиянин. Россиянин – это плохо. Америка, Европа – это хорошо. Говори, что ты дагестанец, из Дагестана – корень "стан" – мусульманская страна. Теперь в России самым изгоем является Дагестан. Чеченцев боятся в России, а гнев обрушивается на дагестанцев. Попробуй быть дагестанцем в Москве – это убийственно. Теперь, быть в Дагестане аварцем – плохо, не престижно, престижно быть даргинцем или лакцем, кумыком, но только не аварцем. Потому что аварцев так раскололи, аварцы сами себя так продают... Есть негласное распределение постов в республике между представителями национальностей. И "аварские" места в аппарате занимают далеко не лучшие люди».

По оценкам коренных ботлихцев, по упомянутым выше причинам в районной власти здесь всегда доминировали и доминируют аварцы, андийцы и другие, но только не ботлихцы. Хотя Ботлих – центр района и живет он в специфических по районным меркам условиях.

Из интервью с М.Н.:

«В Ботлихском районе власть сейчас принадлежит не ботлихцам, а представителям селений Ансалта и Рахата (они пострадали в чеченском кризисе; имеются в виду события 1999 г., когда в Цумадинский и Ботлихский районы вторглись боевики из Чечни. – Ю.К.), а они, кстати, из хъзахътов (были переселены в этот район аварским ханом). Выход для нас – быть самими собой, т.е. ботлихцами. А переписи здесь не было – всех автоматически записали аварцами (в случае со своей семьей я намерен это оспорить). Но мы "нестандартные аварцы" – такое отношение всегда бытовало. Есть еще название, применяемое к нам – "тадмагларулал" – "верхние горцы" (некий аналог "нестандартным аварцам"). Когда мы станем самими собой, это, во-первых, даст нам право быть на своей территории хозяевами, во-вторых, когда мы здесь будем полноправными хозяевами, это даст нам шанс избрать хотя бы раз в жизни своего представителя в Народное собрание Дагестана. У нас никогда не было в постсоветский период своего представителя (в советское время была наша доярка в Верховном Совете РСФСР). Районная власть – первый и второй секретари в районе – никогда не были ботлихцами. В постсоветский период глава районной администрации тоже никогда не был из Ботлиха. Практика такая – ботлихцы нигде и никем не представлены. Мы считаемся аварцами, но аварцы нас отторгают. Чтобы уйти от этого, нам надо стать ботлихцами. И наш человек должен быть в Госсовете...».

В данном откровении высокообразованного человека средних лет, живущего в начале XXI в. в условиях политической системы, которая декларирует равенство гражданских прав личности, рельефно просматриваются отсылки к характерным постула-

там "традиционного" социального опыта. Это утверждение первичности этнической солидарности по отношению к личности, ибо понятие "нация" интерпретируется как равноценное понятию "забота" и якобы подразумевает коллективную ответственность⁴. Это восприятие социального поля, в котором живет человек, его этногруппа и весь мир, как построенного на принципах силового взаимодействия, так что принадлежность к "сильным" престижна, обеспечивает внутренний комфорт, а оказаться лишним "силы" во всех отношениях невыгодно, да еще и унизительно (подробнее см.: Карпов 2005). Наконец, это ссылки на перешедшее из прошлого, но сохраняющее значение в новых реалиях социальное неравенство между группами населения того или иного уровня.

Так определяются "собственные" ("национальные") интересы и происходит консолидация общественных сил, которые по логике и в согласии с известным социальным опытом могут (или должны) облекаться в форму общинной (джамаатской) организации.

Из интервью с М.Н.:

«Джамаат всегда отвечал за общество как представительный орган. Сейчас джамаат – это люди, которые систематически ходят в мечеть, люди пожилого возраста, хотя по образовательному уровню, компетенции не могут решать все вопросы, но по традиции, чисто формально, к ним обращаются. На самом деле джамаат уже не отвечает тем реальным задачам, которые были решаемы им прежде. Джамаату отводится роль третейского судьи, вершение маслаата (третейского суда. – Ю.К.) на основе шариата внутри села. Адааты тоже учитываются...

"Двадцатка села" – своеобразный совет старейшин. Но сейчас они не выполняют свою роль. Откуда берется цифра 20? В советское время для того, чтобы открыть мечеть, молитвенный дом, необходимо было заявление 20 человек. "Двадцатка" могла держать мечеть. По инерции эта структура оставалась. В 1998 г. мы предприняли попытку изменить эту структуру – мы были депутатами сельского собрания. Мы предложили избрать джамаат из 50 человек, от кварталов в том числе, от фамилий... Наш джамаат, "пятидесятка" ("общественный совет села"), представляет интересы исключительно ботлихцев...

В "пятидесятке" были старейшины родов, групп родственников. Тухумы же – слишком крупные и сейчас неоформленные структуры. Реальная сила – ветви тухумов (гъвай). К главе этой ветви и обращаются; у нас, в нашей ветви, это Али. По любому вопросу к нему, как к старейшему, мы обращаемся, хотя у него есть взрослый сын 45 лет, и он более реально оценивает обстановку. Мы все равно формально обращаемся к Али. Остается моральная сторона – Аллах вам дал самого старшего человека, пока он есть, слушайте его. Когда вам нужно будет, к вам придет другой лидер, и он поведет вас по новому пути.

Джамаат не может отвечать за жизнь села, когда есть легитимные органы власти. Джамаату отводится роль общественного совета по мелким хозяйственным делам...».

Впрочем, возникающие и решаемые дела на самом деле не такие уж и мелкие, так что джамаат оказывается вполне дееспособным (иное дело, удастся ли ему добиваться желаемых результатов, что часто зависит не от его организованности и "силы").

Выписка из протокола заседания координационного совета при главе Ботлихской сельской администрации от 25 июня 2002 года

«Имам Ботлихской мечети Рамазанов Магомед-Хабиб: Более 10 лет назад ботлихский джамаат, возглавляемый мною, в один из пятничных дней поехал в Ансалта. Совершив вместе с ансалтинским джамаатом пятничный намаз, я от имени ботлихского джамаата обратился к ансал-

тинцам с просьбой разрешить провести водопровод до Ботлиха по маленькой трубе. Тогда ансалтинцы отказали нам в этой просьбе. Теперь же без разрешения ботлихского джамаата, а также без учета мнения представительного органа с. Ботлих руководители района решили провести этот водопровод.

В тот же период на районном уровне было решено построить насосную станцию в местности Ачабалда для подачи воды в Ботлих и "Микрорайон". Тогда руководство района обратилось к ботлихскому джамаату с просьбой дать разрешение для строительства насосной станции. В договоре, подписанном от имени джамаата имамом мечети и подрядчиком А. Мутаевым, имеется положение, согласно которому вода будет подаваться в бассейн в центральной части села и только потом из бассейна в "Микрорайон". Это было главным условием соглашения между джамаатом и районным руководством. Насосная станция, построенная в с. Рахата для орошения земель в районе аэропорта и Аркула, вот уже несколько лет не подает воду в Ботлих...

Сегодня перед нами поставлен вопрос – разрешить ли строительство водопровода Ансалта – Ботлих. Этот вопрос является очень важным для ботлихцев, потому что от нашего сегодняшнего решения зависит дальнейшая судьба нашего народа. Проведение водопровода Ансалта – Ботлих – это мина замедленного действия, заложенная для будущего поколения, так как это вызовет всплеск незаконных сделок купли и продаж земель вдоль водопровода Ансалта – Ботлих.

Что же стоит за этим решением? Ответ прост. Проведение этого водопровода не отвечает интересам ботлихцев. Напротив, под предлогом возведения водопровода Ансалта-Ботлих группа лиц, стоящих за этой затеей, решает вопросы обеспечения водой жителей трех сел – Ансалта, Рахата, Тандо...».

Пример с водопроводом рельефно отражает функциональность той общественной структуры, которую местные жители именуют джамаатом. Но что они понимают под этим словом? Ведь его интерпретации различаются, что зависит от контекста, в котором рассматривается данный общественный институт.

В исламе джамаат определяется как мусульманская община, ибо ее организующий центр – мечеть, которую возглавляет имам – предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины. Однако в социальных практиках приверженцев ислама джамаат подразумевает не только это. Дагестан – наглядный тому пример.

Здесь понятие "джамаат" издавна означало полифункциональный социальный организм, а именно сельскую общину, критерием полноценного оформления которой являлось наличие мечети и всех связанных с ней атрибутов (в социокультурном плане). На такую полифункциональность, где хозяйственная, в широком смысле – общественная, а также идеологическая ее составляющие сплетены воедино, указывает и пример из жизни ботлихского общества последнего времени. Он в достаточной мере соотносим с практиками предшествующих веков. То, что во главе джамаата сел. Ботлих в последнее время находился имам, и он же руководил упомянутым общественно значимым мероприятием, не меняет сути дела. Имами в Дагестане (абсолютное большинство которого придерживается суннитского толкования ислама) избирались авторитетные и в духовном плане образованные лица, принимавшие непосредственное участие во всем комплексе жизни общины⁵. В эпоху борьбы с религией положение кардинально изменилось. Зато в перестроечный период и особенно после распада СССР, когда федеральный центр предписывал отказаться от системы "советов" (в том числе сельских советов), население пребывало в откровенной растерянности и на призыв того же центра самоорганизовываться ответило тем, чем могло, – обращением к собственному социальному опыту досоветского периода. Специфика современной общественной жизни горцев Дагестана, в частности, состоит в том, что роли и функции в ней во многих случаях распределяются с учетом "традиции", включающей в себя и религиозную составляющую. Поэтому руководителями общины часто оказываются представители духовенства, которые, как и прежде, не являются сегрегированной группой общества, а наиболее авторитетными кандидатами на пост имама порой оказываются бывший колхозный шофер, зоотехник и т.п. В свою очередь, присылаемые

Духовным управлением мусульман Дагестана (ДУМД) лица со специальным образованием – выпускники контролируемых ДУМД исламских вузов – далеко не сразу, а то и вовсе могут не приобрести авторитета по причине молодого возраста, а главное – незнания обстоятельств местной жизни. Имам ботлихской мечети представлял собой во всех отношениях лучший вариант кандидатуры на подобную роль.

Магомед-Хабиб Рамазанов, 1945 г. рождения, коренной ботлихец. Духовные знания получил от алимов (ученых) Ботлихского, Цумадинского и других соседних районов. В результате основательного их усвоения, а также личных качеств Магомед-Хабиб приобрел авторитет как среди местных жителей, так и у властей. Когда в 1989 г. в республике впервые появились ваххабиты, руководство Духовного управления обратилось именно к нему с просьбой дать публичный отпор идеологам этого религиозного течения. Рассказывают, что Магомед-Хабиб настолько ярко и убедительно выступил на одном из больших митингов, что очень многие из сторонников Багауддина (Багаудина) Магомедова (часто в СМИ и в научных публикациях ошибочно его называют Кебедовым) – одного из лидеров ваххабитов – едва ли не тут же изменили свои взгляды по соответствующим вопросам. С критикой ваххабизма он выступал и в республиканской печати. В результате на него было совершено покушение. Неоднозначное отношение к фигуре Магомед-Хабиба со временем сложилось и в ДУМД.

Здесь же можно отметить, что имам в своих пятничных выступлениях в мечети Ботлиха часто обращался к жителям "Микрорайона", призывая их соблюдать шариат (в первую очередь в правовой сфере, о чем подробнее сказано ниже). Насколько действительными были его слова, судить трудно, однако утверждают, что среди последних он нашл себе откровенных недоброжелателей. Приведенные сведения характеризуют имама Магомед-Хабиба в качестве лидера ботлихского сельского общества, джамаата.

На основании подобных и схожих фактов некоторые исследователи делают заключение о превращении в настоящее время горских колхозов-джамаатов в религиозные общины⁶. "Колхозов" потому, что в 1990-е годы данная форма организации хозяйственной и общественной жизни местного населения наряду с совхозами оставалась (а отчасти и ныне остается) "наиболее устойчивыми советскими институтами" (*Бобровников* 2002б: 91–92). "Джамаатов" потому, что в такой консервативности местных жителей отразился их своеобразный "традиционный" опыт. Однако насколько обоснован вывод о превращении "колхозов-джамаатов" именно в религиозные общины? Вряд ли большая роль во многих из них имамов мечетей, в ряде случаев воссоздание вакуфа/вакфа (земельных угодий, принадлежащих мечети) является достаточным для этого основанием. Ошибочно утверждение, что "до коллективизации джамаат был чисто светским институтом" (Там же: 101, примеч. 23). Религиозная составляющая организации данной общественной структуры как общины всегда была значимой⁷, а сама она – полифункциональным (и потому универсальным и жизнестойким) институтом. Именно в таком виде и в таком качестве пытаются придать новый импульс функционирования джамаату в дагестанских республиканских структурах власти⁸, а равно на местах. Ботлих – один из примеров последнего, но пример не однозначно результативный. Здесь пытаются воспроизвести структурную целостность общества, и во многом это происходит через отстаивание "собственных" прав.

Последние два десятка лет чрезвычайную остроту сохраняет вопрос о положении и правах апарагов-переселенцев, обосновавшихся в Ботлихе в связи с появлением тут завода "Прогресс". При общей численности населения современного Ботлиха в 10 тыс. человек некоренные ботлихцы составляют половину населения. Помимо "Микрорайона" приезжие стали обустраиваться на джамаатских землях, перекупая участки (цена сотки земли составляет сейчас 15–20 тыс. руб.) у коренных жителей. Последние обвиняют в этой ситуации сельскую администрацию, без ведома и корыстной заинтересованности которой не могли бы иметь место факты, когда одному и тому же лицу из числа ко-

ренных жителей неоднократно выделялись земельные наделы под строительство жилья и приусадебные участки, но владельцами которых в итоге оказывались "иностранцы". В адрес последних высказываются претензии, что они часто ведут себя с явными нарушениями адата и в целом проявляют напористость там и тогда, где и когда ботлихец действует с оглядкой на общественное мнение. И это действительно превращает Ботлих в "город", в котором нравы и порядок далеки от идеалов "джамаатской жизни". Ботлихцы как могут сопротивляются, точнее, хотят сопротивляться развалу образа жизни "своего" общества и самого общества.

Информатор средних лет рассказывает:

«В перспективе учет интересов недавних подселенцев не планируется. Поселенцы живут в домах, построенных на наших землях, перепроданных нашими же людьми... Их интересы джамаат не учитывает, и "пятидесятка" не учитывала их интересы. Ввиду нелегитимности их проживания. Харим (земельный резерв общины, а также пустоши и т.п. – Ю.К.) не может продаваться».

С первой половины 1990-х годов районной властью предпринимаются попытки ввести в административный и финансовый обиход номинацию "Ново-Ботлих" (таковая периодически появляется на платежных банковских документах). Однако коренные ботлихцы в силу своих возможностей (в частности, как банковские служащие) и безуспешно блокируют подобные инициативы, подтверждая собственное решение, что на их земле может существовать только "Микрорайон" – никак не новый джамаат. Негативно они относятся и к приходящим в адрес их джамаата обращениям ДУМД о выделении участка земли для строительства мечети в "Микрорайоне" (такие обращения инициируются по просьбам жителей последнего). Ведь мечеть структурно оформила бы новый джамаат, а появление оно на землях своего селения коренные ботлихцы считают недопустимым.

Впрочем, вопрос о возможностях формирования второго джамаата на территории Ботлиха сложен и по другой причине. Лица, переселившиеся в Ботлих и устраивавшиеся на работу на завод, в большинстве своем сохраняли и сохраняют за собой земельные наделы в родных селениях. Эти участки они обрабатывают и выращивают на них те или иные сельскохозяйственные культуры. Полученная продукция является подспорьем в их хозяйстве, а ее реализация приносит доход. Достигнув пенсионного возраста, большинство заводчан возвращается в родные селения, где у них сохраняются и дома. Многие представители второго поколения "ново-ботлихцев" намерены поступать так же. Для лиц, лишившихся работы в связи со значительным сокращением в последние годы производства на заводе, имеется перспектива переселения на постоянное жительство в прикутаные хозяйства родных селений. По оценкам этой категории жителей Ботлиха, в "Микрорайоне" ныне проживают 20–30 стариков, которые не в состоянии надлежащим образом организовать жизнь здесь живущих. А население "Микрорайона" очень пестрое – это группы представителей разных селений, точнее, джамаатов – Тлоха, Годобери, Хелетури и т.д. – членами каковых они и продолжают себя считать. Ситуация "настоящего города" в его дагестанской редакции:

«– Как и кем ощущают себя жители "Микрорайона"?

– У каждого свое представление. Хотя я родился и живу здесь (информатору 40 с небольшим лет, он работает в районном собесе. – Ю.К.), хоронить будут в Тлохе. Мой сын может решить жить в Тлохе. Дочерей выдавать замуж? Куда попало никто не отдает. Мне родители жену искали в Тлохе, и сейчас так же».

Жители "Микрорайона" признают факт того, что среди их молодежи высок уровень бытовых преступлений, распространяется наркомания, время от времени случаются конфликты с коренными ботлихцами. Последние же ратуют за упрочение собственных прав на "своей земле":

«Ботлих – "город", здесь столько "иногородних". Вспыхнет ли конфликт, если ботлихцы станут хозяевами на своей земле?»

– Нет, если будет создана законодательная база, которая гарантирует нам, что эта земля принадлежит нам, и при наличии местных нормативных актов о пользовании землей в Ботлихе... Необходимо искать выход для легитимизации "иногородних", сейчас они живут не по закону, не по шариату, это самозахват. В шариате эти вопросы рассматриваются, но в светском государстве шариат не может быть взят за основу. В аятах эти вопросы тоже хорошо разработаны. Но с учетом одного и другого необходимо создать собственную нормативную базу».

Подобным образом оценивались ботлихцами перспективы своей джамаатской жизни до сравнительно недавнего времени. События лета 1999 г., когда в нескольких километрах от Ботлиха появились боевики из Чечни и ботлихцы сплоченно выступили на защиту родного селения, укрепили их надежды. Однако в конце 2004 г. возникла ситуация, потребовавшая существенной корректировки взглядов на перспективы и собственные возможности.

В это время началось строительство военного городка, в котором уже в 2007 г. должна разместиться выводимая с территории Грузии стрелковая часть. Строительство велось без согласования с общественностью Ботлиха, что вызвало ее возмущение. Первоначально под городок отвели 60 га земель (каменистой пустоши, хАрима, который был зарезервирован джамаатом для выделения участков молодым семьям; количество заявлений от них достигает трех сотен; в настоящее время городок разросся до 100 га). Территория городка разорвала общинные уголья на две части; все обращения ботлихцев с просьбой скорректировать его местоположение (таковое, по заявлениям военных, возможно) напрасны. Ботлихцы резонно опасаются, что появление многочисленного контингента строителей, военных, обслуживающего персонала воинской части и др. полностью разрушит местное общество. Они ссылаются на гарантируемые российскими законами и международными организациями права коренных малочисленных народов. Однако статуса народа ботлихцы (как и иные андо-ди-дойцы) до сих пор лишены.

Начиная с конца 2004 г. в Ботлихе регулярно проходят массовые митинги, периодически организуется блокада стройки. В ответ на это в СМИ появляются сообщения о протестных акциях экстремистов ваххабитского толка, что не имеет под собой оснований. В свою очередь не очень лояльные к федеральной власти дагестанцы со злободневом говорят ботлихцам: "Это вам подарок от Путина за ваши особые заслуги" (имеются в виду действия ботлихцев в 1999 г.).

В результате протестных акций, обращений в высшие органы власти РФ и Республики Дагестан и переговоров с их представителями ботлихцы вынужденно соглашались на компромисс, оговаривая свои права: передача земель Министерству обороны РФ на условиях временного пользования или аренды на 49 лет; выполнение всех строительных работ военными строителями (это необходимо для того, чтобы остановить волну миграции населения близлежащих сел и районов в Ботлих в результате появления рабочих мест); использование при строительстве в первую очередь природных материалов (песок, щебень, камень и др.), разрабатываемых на территории муниципального образования сел. Ботлих; выплата всем коренным жителям Ботлиха (а также проживающим в селении более 50 лет и их потомкам) определенных сумм за пользование местными природными ресурсами и т.п. Только соблюдение, как минимум, таких условий могло бы, по мнению ботлихцев, обеспечить им получение некоторой доли обещаемой от размещения на их землях воинской части выгод.

В ходе переговоров был поднят вопрос о переселении ботлихцев на равнину и принято решение "разработать программу компактного переселения части этнических ботлихцев – от 300 до 500 хозяйств – в плоскостные районы Дагестана или других регионов Северного Кавказа. Это необходимо для компенсации издержек, связанных с

предоставлением министерству обороны во временное пользование или аренду земель муниципального образования с. Ботлих, которые сводятся к невозможности предоставления земель молодым семьям для строительства жилья".

Однако в течение двух лет подобные решения большей частью остаются лишь благими пожеланиями. И если коренные ботлихцы периодически бойкотируют стройку, то жители "Микрорайона" с самого начала активно включились в работы на ней. В результате ныне, когда надежды на выполнение решений и требований ботлихской общественности становятся все более призрачными, и многие коренные жители уже бы и рады участвовать в строительных работах, возможности для этого у них оказываются ограниченными (их якобы принципиально не принимают на стройку). Для решения разнообразных вопросов, возникающих в отношениях ботлихцев с правительственными органами и военными, в 2005 г. был назначен советник председателя правительства Республики Дагестан по ботлихскому вопросу. Им стал Муртуз Гасангаджиев – коренной ботлихец средних лет, имевший высшее образование и зарекомендовавший себя как принципиальный общественный лидер. Однако и его деятельность не решила наиболее злободневные для ботлихцев проблемы. Митинги и пикеты продолжались. В данной ситуации имам ботлихской мечети Магомед-Хабиб в мае 2005 г. счел необходимым выступить перед митингующими с обращением. В нем он сказал, что строительство военного городка, делящего угоды джамаата вопреки воле последнего на две части, является зулму – "насилием". По шариату, насилию, которое исходит от намного превосходящей в силе стороны, противостоять бессмысленно. Поэтому он предложил прекратить митинги и блокаду стройки. Слова имама подразумевали, что человек, приобретший что-либо через зулму, добра от этого не получит, оно, приобретенное им, будет фактически проклятым его законными владельцами. К словам имама прислушались, блокада стройки была снята. Однако через некоторое время в селении пошли разговоры о том, что имам (а также советник М. Гасангаджиев) подкуплены властями. Имам из-за сплетен не выдержал и уехал из Ботлиха в Хасавюрт, где стал обучать желающих духовным знаниям. В первой половине 2006 г. в связи с учреждением поста президента Республики Дагестан и назначением на него М. Алиева, кабинет министров республики подвергся реорганизации, в результате чего судьба должности советника главы правительства по ботлихской проблеме оказалась неопределенной.

* * *

В заключение задам вопрос: насколько правомерно говорить об общине в горном Дагестане в новейшее время? В данном случае на него ответить сложно, ибо пример Ботлиха по ряду причин нетипичный, да и я не привел достаточного количества фактов из жизни этого селения той поры, когда там функционировал колхоз (в 1970–1980-е годы называвшийся Ботлихским). Очевидно, что если и допустимо вести разговор о горных колхозах середины – второй половины XX в. как джамаатах, то с поправками на измененный характер основ жизнедеятельности общины как оригинального социального института. Необходимо в целом и в каждом отдельном случае уточнять степень принципиальности изменений.

Очевидно, что в колхозах местному населению импонировала вероятность хотя и неполной, но самоорганизации (которую негласно можно было расширять) и контроля общества хозяйственной и другой деятельности выборных руководителей этих структур (поэтому наиболее прозорливые старики в 1960–1970-е годы всячески противились преобразованию колхозов в совхозы, а парой десятилетий ранее – укрупнению колхозов с объединением угодий разных селений, а то и их перераспределением). Указанное позволяло по мере возможности обеспечивать преемственность в селениях как в общественных микросистемах, а также сохранять целостность террито-

рий и угодий как базы жизнедеятельности последних. В данном плане колхозы были близки джамаату. О том же свидетельствует решительный настрой, с которым ботлихцы стремились в последние 15–20 лет и стремятся до сих пор отстаивать целостность сельского общества, но главное – собственные права на его территорию.

В данном плане судьба Ботлиха более позитивна по сравнению с таковой некогда сильного джамаата Кумуха (Кази-Кумуха), где ныне коренные жители составляют 15% населения, так что о какой-либо целостности речь уже не идет. Судьба Ботлиха отчасти близка судьбе ряда районных центров, а также крупных селений современного Дагестана – Уркараха, Хунзаха, Чоха, Кубачи и других, в которых процент переселенцев из окрестных селений тоже достаточно высок, и они претендуют на удовлетворение собственных прав и интересов. В этой связи любопытно замечание жителя "Микрорайона" Ботлиха о положении дел в Хунзахе: там якобы "переселенцы живут только на квартирах, и никакие стройки им не разрешают", т.е. он констатирует более жесткую, по сравнению с Ботлихом, линию поведения местного джамаата.

Оценивая происходившее со второй трети XX в., следует отметить, что в связи с образованием колхозов процесс трансформации горских общин приобрел особую динамичность и масштабность. Он продолжился в ходе реализации государственной политики переселения горцев на равнину (с 1970-х годов переселения начали носить и до настоящего времени носят преимущественно неорганизованный характер). В итоге будет натяжкой говорить о продолжении функционирования джамаата на системных началах. Эти начала в большой степени оказались растерянными именно в последние годы, когда происходит (и в значительной мере уже произошёл) массовый отток населения из горных районов и когда навязанные извне, но в какой-то мере адаптированные к "коренным" правилам общежития "уставы колхозов" и т.п. перестали действовать. Людям становится неинтересна "родная" земля в том аспекте, который составлял корень бытия их предков. Симптоматично, что и ботлихский джамаат сейчас поставил вопрос о выделении ему земель на равнине, что было невозможно прежде.

Поэтому разговоры о реконструкции в новейших условиях "традиционной" модели джамаата, его структуры и механизмов функционирования, которые в последнее время ведутся в республиканском центре и на местах, так и остаются разговорами. Очевидно, что реконструкция джамаата по модели XIX в. невозможна. Слова цитированного ботлихца о необходимости его односельчанам (читай, джамаату) выработать "собственную нормативную базу" жизнедеятельности местного общества, в которой будут представлены шариат, адат и законы государства (о пропорциях и формах их совмещения речь не идет), являются посылкой к созданию новой модели организации джамаата. При этом вновь творимый социальный опыт вряд ли поддается сколь-либо конкретным прогнозам.

Примечания

¹ Подробную информацию историко-этнографического плана о ботлихцах см.: Шиллинг 1993; Алимова, Магомедов 1993; Они же 2002.

² Полевые дневники хранятся в архиве Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

³ Первые коллективные хозяйства в горном Дагестане часто создавались на общинных пастбищах, в ряде мест личные земельные наделы (*мульки*) сохраняли своих прежних хозяев, их тайно продавали, дарили, передавали по наследству и при этом следили, чтобы земельный участок не попал в руки не члена джамаата. Под угрозой высоких штрафов запрещалось самовольное изменение использования любых категорий земель в пределах владений колхоза, выступавшего в роли традиционного джамаата. Сами колхозы функционировали в территориальных границах угодий джамаатов. Подробнее см.: Бобровников 2002а: 245–249.

⁴ Расул Гамзатов в книге "Мой Дагестан" передал установку на сохранение национальной идентичности так: «Аварское слово "миллат" имеет значения: нация и забота. "Кто не заботится о нации, тот не может заботиться и обо всем мире" – говорил мой отец... "У кур, у гусей, у

крыс, кажется, не бывает нации, но у людей она должна быть", – так говорила моя мама» (Гамзатов 1989: 317). Ср. с данными аварско-русского словаря: *миллат* – "нация", "народ", "национальность"; *милат* – "забота" (Аварско-русский словарь 1967: 343). В обыденном сознании наблюдается своеобразное осмысление и совмещение значений разных слов.

⁵ Глава ЦИК Республики Дагестан в 1920-е годы Н. Самурский обособленно отмечал глубокое проникновение религии в повседневную жизнь дагестанских горцев и об открытой позиции мусульманского духовенства в местном обществе, так как оно не знает "тайны священства", живет жизнью "мирян" и не отличается от них даже внешне. "Мулла одет так же, как и все другие, он также вооружен кинжалом и винтовкой, и в бою он является обыкновенно руководителем и начальником, сражаясь в первых рядах. Все это создает спайку между духовенством и населением гораздо большую, нежели в христианской религии, все это усиливает влияние духовенства. Духовенство, выходящее постоянно из народа (выше автор отмечал: "для того, чтобы сделаться духовным лицом достаточно получить известное духовное образование". – Ю.К.), тесно связанное с ним, живущее общей с ним жизнью, принимающее активное участие во всех событиях в качестве непосредственного руководителя, конечно, обладает большим весом". Обобщая, он заметил: "Духовное лицо – это не только священник, но и судья, народный учитель, военный вождь, борец за свободу и независимость, носитель образованности, владелец общественных средств и председатель комитета взаимопомощи. Идеология, культура, быт и экономика – все находится в руках духовенства, или, иначе говоря, в его руках находится вся организация общественной жизни" (Самурский 1925: 127-132).

⁶ Такой вывод настойчиво отстаивает В.О. Бобровников, который, основываясь на полевых материалах 1990-х годов, собранных им в Западном Дагестане, отмечает захват мусульманской администрацией селений земельных угодий колхозов и совхозов и власти как таковой (Бобровников 1997; Он же 2002б: 99 и след.; Он же 2004). Автор делает сильный акцент на религиозной (мусульманской) природе и характере институтов вновь формирующейся власти и самой общины. Община, в его глазах, "мусульманская", хотя сообщаемые им же факты говорят о сложном и разностороннем ее содержании.

⁷ Это являлось универсальной чертой/свойством общинной организации. В данном случае сошлось только на пример общин грузин-горцев (номинально христиан), которые возглавляли лица, исполнявшие наряду со светскими, также и религиозные функции, и в которых святилища располагали земельной собственностью (см., напр.: Бардавелидзе 1952а, 1952б).

⁸ В середине 1990-х годов на республиканском уровне обсуждались законы "О сельской общине", "О местном самоуправлении", в самой постановке которых отразился социальный заказ "снизу" – поиск формы "коллективной" самоорганизации.

Литература

- Аварско-русский словарь 1967 – Аварско-русский словарь / Сост. М.-С. Саидов. М., 1967.
 Агларов 1988 – Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII – начале XIX в. М., 1988.
 Алимова, Магомедов 1993 – Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993.
 Алимова, Магомедов 2002 – Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы // Народы Дагестана / Под ред. С.А. Арутюнова, А.И. Османова, Г.А. Сергеевой. М., 2002.
 Алиханов 2005 – Алиханов М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала, 2005.
 Бардавелидзе 1952а – Бардавелидзе В.В. Хевсурская община: Структура и институт джварискмоба // Сообщ. АН Гр.ССР. 1952. Т. 13. № 8.
 Бардавелидзе 1952б – Бардавелидзе В.В. Система управления хевсурской общиной // Там же. Т. 13. № 10.
 Бобровников 1997 – Бобровников В.О. Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // Этнограф. обозрение. 1997. № 5.
 Бобровников 2002а – Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
 Бобровников 2002б – Бобровников В.О. Современное дагестанское село // Народы Дагестана...
 Бобровников 2004 – Бобровников В.О. Колхозы и ислам в современном Дагестане // Кавказский сб. Т. 1 (33). М., 2004.

- Вавилов* 1936 – *Вавилов Н.И.* Мировой опыт освоения высокогорий // *Природа*. 1936. № 2.
- Гамзатов* 1989 – *Гамзатов Р.* Мой Дагестан. 1989.
- Ган* 1902 – *Ган К.Ф.* Экскурсия в нагорную Чечню и западный Дагестан летом 1901 года // *Изв. Кавказ. отд. импер. Русского географ. об-ва*. 1902. Т. 15. № 4.
- Из истории права 1968 – Из истории права народов Дагестана: Матер. и док. / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968.
- Итоги переписи 2004 – Итоги переписи 2004: Итоги всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004. Т. 4. Кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство.
- Карпов* 2005 – *Карпов Ю.Ю.* Многоэтническое социальное пространство Дагестана: от прошлого к настоящему // *Многоэтнические сообщества в условиях трансформаций: Опыт Дагестана*. Матер. междунар. конф. Москва, 25–27 мая 2004 г. М., 2005.
- Народы Дагестана / Под ред. С.А. Арутюнова, А.И. Османова, Г.А. Сергеевой. М., 2002.
- Русско-дагестанские отношения 1988 – Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в: Сб. док. / Под ред. В.Г. Гаджиева. М., 1988.
- Самурский* 1925 – *Самурский Н.* Дагестан. М.; Л., 1925.
- Сержпутовский* 1916 – *Сержпутовский А.К.* Поездка в Нагорный Дагестан в 1916 г. // *Живая старина*. 1916. Вып. 4.
- Шиллинг* 1993 – *Шиллинг Е.М.* Ботлихцы // *Шиллинг Е.М.* Малые народы Дагестана. М., 1993.

Y.Y. Karpov. Botlikh: The Destiny of a Highland Dagestan Community in the Contemporary Period

The author states that the process of transformation of highland communities (jamaat) in Dagestan became increasingly dynamic starting with the second third of the twentieth century, which had to do with the process of establishment of kolkhozes. Transformations intensified as a result of the implementation of the state initiative on transferring the residents of highland areas to lower plains areas. Many regions, such as Botlikh, continue to experience the loss of population today. The author analyzes the issue and discusses the recent attempts of the Botlikh jamaat at working out new norms and mechanisms for regulating the social life of local communities.